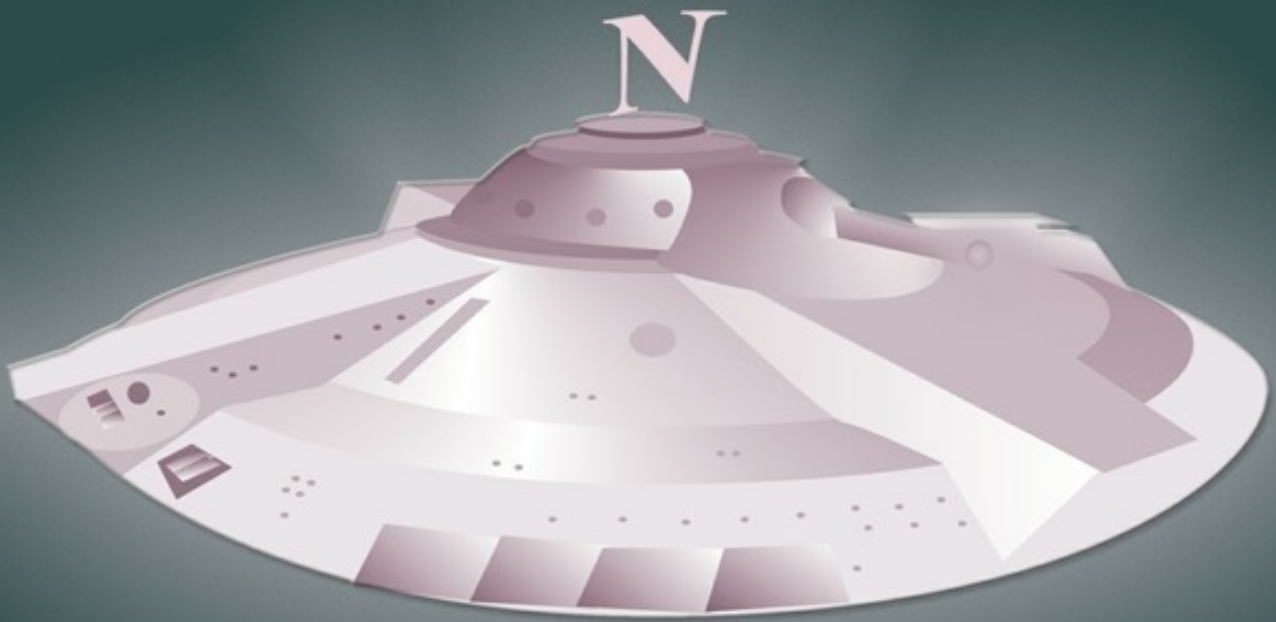

Э
Л
Т
Ф
О
Н

И. Миллбери

ЭЛТФОН

Ирина Миллбери

ЭлТфон

«Издательские решения»

Миллбери И.

ЭлТфон / И. Миллбери — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-836232-3

Главная героиня книги — это молодая энергичная женщина. Ее воображение привело к разгадке великих тайн в истории Второй мировой войны. На самом деле книга о том, как жизнь вела эту женщину к совершенству. Книга для взрослых.

ISBN 978-5-44-836232-3

© Миллбери И.
© Издательские решения

Содержание

Часть I	6
Глава 1. Дорога	6
Глава 2. Нерабочий день	9
Глава 3. Неподписанный объект	16
Глава 4. Пустая папка	18
Глава 5. Проект №51	21
Глава 6. Коробка для линкора	24
Глава 7. Склад ватмана	28
Глава 8. Немецкие специалисты	31
Конец ознакомительного фрагмента.	32

ЭлТфон

Ирина Миллбери

© Ирина Миллбери, 2017

ISBN 978-5-4483-6232-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть I

Глава 1. Дорога

Аууу-эх, опять не слышала будильник. Может, он не звонил? Уу, надо в конце концов проверить настройки в мобильнике, не первый раз ведь. Не сейчас. – Хаотически пронеслись мысли у Вероники. – Так, пять минут до выхода, а то опоздаю. Одеваемся на скорость, включаем секундомер. Только сначала в ванную, почистить зубы – это святое, да и душ принять, только быстро. Уу... ай... ой... Холодная вода так долго нагревается, когда совсем нет времени ждать. Бегом шлепаем из ванны. На макияж времени нет, это точно. Где косметичка? Так, пудра, румяна, карандаш, тушь, – Вероника судорожно искала косметику у зеркала на столе и бросала в косметичку. – Какого цвета помада? Ой, какого цвета помада? Что я сегодня одену? Сколько раз говорила – все надо приготовить с вечера. – Вероника открыла шкаф. – Так, так, так, так... Вчера одевала джинсы, они где-то, но не в шкафу. Нет, надо одеть костюм. Ой, тогда колготки... есть у меня целые колготки? А какие туфли? Нет, лучше сапоги. Тогда проще. Толстые колготки у меня точно есть. – Вероника, по-прежнему, стояла перед открытым шкафом. – Блузка? Блузка, блузка... просто светлая, свежо, элегантно, по-деловому. Тогда помада скромная, коричневая. Это, если сделать нормальный макияж, а с утра, да еще не накрашенная... Надо взять яркую, оранжевую. Она добавит энергии к моему заспанному лицу с утра. Так, берем две помады, коричневую и оранжевую. Нет времени для принятия решения. О, господи. С какой скоростью, интересно, одеваются пожарники или солдаты по тревоге? – Как могла быстро Вероника скинула халат и стала одеваться, сначала прыгая на одной ножке, натягивая колготки на влажные ноги, что не очень-то легко. – Блузка легко соскользнула с плечиков вешалки, – отметила Вероника, – но что стоит застегнуть ее на все пуговицы. Уу... Вот костюм – отличный выбор, одевается быстро и легко. К тому же элегантно. Хороший внешний вид – это уважение к другим людям. Уу... молния... оказывается, поправилась, даже и не заметила. Надо найти время на аэробику, попрыгать, побегать. Да, есть на ночь нельзя, а я наедаюсь, как удав, мягко сказано.

Натягивая пальто на ходу и хлопая дверью, Вероника выскочила из квартиры. Утро серое и влажное, едва моросит дождик. – Здесь близко до автобусной остановки. Должна успеть. На остановке полно людей, слава богу, автобуса еще не было. Можно расслабиться, – Вероника сделала глубокий выдох и остановилась. Ее расслабленный взгляд устремился вдаль. – Как холодно сегодня, просто невыносимо холодно. – И она поежилась. – Хорошо, что одела теплые колготки и сапоги... Странно, никогда не замечала этот пустырь напротив остановки. Вокруг многоэтажки, наверное, здесь была зеленая трава, которая плавно соединялась с общим окружением, а сегодня похолодало, и полянка покрылась инеем. – В сером тумане еще не проснувшегося города, полянка, действительно, выглядела как-то загадочно. – Вид, прямо, как с другой планеты, – отметила про себя Вероника и продолжала замороженно смотреть. – Туман какой-то густой, вязкий. Видно было, как над полянкой поднялись два светящихся овала. Они были красивые, как светящиеся огни на Новый Год. Яркий, почти белый свет в середине, а вокруг него святающееся розовым облако, переходящее в голубое по краям. Облака подплыли друг к другу, как для знакомства. Два белых огонька в центре облаков оказались рядом. Затем они стали кружиться от радости. Теперь стало четко видно, что белый шарик в серединке, а облако вокруг него, закружившись преобразовалось в его легкие прозрачные крылья. Белые шарики света кружились в танце, и их крылья все больше превращались в длинные прозрачные газовые шарфы. Белые шарики света стали больше, может, потому что стали ближе к Веронике. Они уже напоминали большие жемчужные перламутровые бусины. Шарф одной бусины дотронулся

до другой белой бусины света. Обе бусины, как лица повернулись друг к другу. Их газовые шарфы развевались сзади. Шарф одной бусины закружился вокруг другой бусины. Получилось, как будто обнял рукой. Две бусины притянулись друг к другу, как для поцелуя. Та, что снизу просто кружилась медленно на месте, а та что сверху очень энергично развевала шарфом. Они приблизились друг к другу очень близко. Они соединились. Вокруг них появилось одно вращающееся облако, но шарфы еще развевались...

О, господи! – Вероника хлопнула себя по лбу и встряхнула головой. В этот момент она увидела, что заполненный людьми автобус стоит перед ней, и последний человек уже поставил ногу на ступеньку. Очнувшись, Вероника пантерой взлетела на ступеньки закрывающегося двери автобуса, со всей силы толкнув впереди заходящего мужчину, который рывкнул: «Поосторожней нельзя?». Двери автобуса закрылись на ходу, и Вероника облегченно вздохнула и выдохнула, не обратив внимания на грубую реплику мужчины и не чувствуя особой вины.

– Хоть бы до метро никто не выходил. – подумала с надеждой Вероника. Все пассажиры стояли молча, никто ни на кого не смотрел, все были «в себе», задумчивые и невеселые. Какая-то женщина вдруг дернулась, ей показалось, что мужчина слишком близко к ней прижался. Мужчина извинился, объясняя ситуацию. – Да понятно, что не специально... Смешно, конечно, но никто не смеется. – За окном мелькали огни утреннего города. На улицах еще никого, только люди стоят на остановках. – Никто не выходит? – спросил водитель и, не дождавшись ответа от мрачных пассажиров, сказал: «Тогда едем дальше». Вероника сочувственно посмотрела на мерзнувших на остановке людей и подумала: «Мне еще повезло. Если бы чуть промедлила, неизвестно бы сколько тогда пришлось бы ждать и мерзнуть, тогда бы точно опоздала».

Когда стали подъезжать к метро, народ зашевелился. Тот же мужик рядом с Вероникой опять рывкнул: «Да не толкайтесь. Здесь все выходят», – и народ всей толпой вывалился из автобуса. Масса темного цвета поплыла в метро, где опять образовала толкучку. Каждый хотел протиснуться побыстрее вперед. Пройдя турникеты, Вероника посмотрела на часы и счастливо засмеялась, вступив на эскалатор. Народ бегом спускался по ступенькам эскалатора. Видимо, люди тоже опаздывали.

Получив некоторое эмоциональное расслабление на эскалаторе, Вероника приготовилась к следующему испытанию. – Как много народа, а мне во чтобы-то ни стало надо обязательно попасть на первую прибывающую электричку. Одна или две минуты ожидания в эти утренние часы кажутся невозможно долгими. Каждая минута на учете. – Ну почему нельзя выйти немного раньше, чтобы так не напрягать свою нервную систему? – успела подумать Вероника, присматриваясь в каком месте пристроиться, чтобы обязательно втиснуться в вагон, приближающейся электрички.

Все нормально. Вероника в вагоне. Слышно: «Осторожно, двери закрываются». Вероника посмотрела по сторонам. Все такие же угрюмые и молчаливые, никто ни на кого не смотрит. – Надо хотя бы губы накрасить, – подумала она и мысленно стала представлять, как легче достать из сумки помаду и зеркальце. – Так, сначала повесим сумку на руку, которая крепко схватилась за металлическую стойку. Так, хорошо, умница. Теперь самое трудное, надо расстегнуть сумку на весу, найти там косметичку, расстегнуть ее, нащупать помаду, оранжевую, да, и пудреницу. – Вероника грациозно порылась в своей сумке. Никакой реакции вокруг, никаких эмоций. Вероника просто в восторге, помада и зеркальце уже в руках. – Теперь надо изловчиться, взять зеркальце в ту руку, где висит сумка, открыть его, а затем снять колпачок с помады. Да, нелегко, но реально при цейтноте, когда время уже измеряется ни в минутах, а в секундах. – быстрым уверенным движением Вероника нанесла помаду на губы. Кажется, ближайший сосед отреагировал, посмотрев недоуменно и с удивлением, но Вероника даже и не заметила как будто, а закрыла зеркальце и помаду и бросила их в сумку, не заботясь о порядке в сумке. Главное, уже сделано. – Что мне реакция какого-то незнакомца по срав-

нению с репликами сослуживцев: «Вероника, у тебя все в порядке? Ты какая-то бледная сегодня.» Не буду же я отвечать, что я просто не успела накраситься. Вот интересно, почему другие могут прийти не накрашенными, а я нет? Почему я все время должна выглядеть, как артистка? Ой, духи забыла. Надо было хотя бы пошпикаться. Это же доли секунды. Просто забыла. Да в этой утренней панике, разве сможешь все упомянуть... – Оцепеневший народ в вагоне зашевелился. Опять кто-то сказал: «Да здесь многие выходят».

Пересадка. Вероника посмотрела на часы и сказала: «Шеф, усё в порядке. Все идет по плану». На электричку уже не было такой толпы народа. Все выглядело более цивилизованно. Вероника выпрямилась и, как могла, красиво прошла по перрону, стуча своими каблучками. Подошел поезд. В вагоне были свободные места. – Надо немного подсутиться, чтобы сесть, – быстро пронеслось у нее в голове. – Так по комфортнее, все-таки я на каблуках. Еще настоюсь. День долгий. – Вероника красиво присела и сложила свои ножки вместе, слегка наклонив в сторону коленки, чтобы всем своим обликом подчеркнуть свою интеллигентность. Ее лицо было спокойно и никак не отражало ее предыдущих волнений и суеты. Недолго она просидела в такой позе. Поняв, что никому нет до нее никакого дела, ее настигла следующая идея по приданию своему облику свежести.

– Яркая помада, конечно, уже не плохо, но у меня ведь с собой еще румяна с зеркальцем и кисточкой. – Она пошевелилась от желания немедленно продолжить свой макияж... Ну, это ей было сделать легче легкого. Она опять приняла первоначальную позу женской интеллигентности и посмотрела на свое отражение в окне. – Румяна, утончают лицо, когда их наносишь под скулы. Лицо становится рельефным и более модным. Да, хорошо, я уже собой почти довольна. Сколько еще остановок? «Так у меня еще есть тени и карандаш... Супер», – сказала она себе, когда встала и увидела свое отражение. Вероника приподняла подбородок, приняв гордую осанку. – Кажется, дорога заняла у меня целую вечность. Только не расслабляйся, – тут же скомандовала она себе, – быстренько идем к выходу, правда уже можно не бежать. Успеваю спокойно, если идти быстрым шагом, – добавила она.

Глава 2. Нерабочий день

– Так, шеф еще не пришел, отлично! Пальто в шкаф, папки с полки на стол, пиджак на спинку стула. Хоть и не бежала, но разгорячилась пока шла быстрым шагом. Можно включить чайник. Уютно, тепло, рабочая атмосфера, – Вероника посмотрела в небольшое зеркало на стене у шкафа и сказала: «Волосы поднять в прическу для солидности, а глаза все-таки надо еще подкрасить тушью для выразительности.» Намереваясь тотчас приступить к облагораживанию своего делового стиля, Вероника села за стол, но зазвонил телефон. – У меня же еще есть две минуты жалобно сказала она, посмотрев на часы, – но все же взяла трубку телефона. На другом конце вежливый голос попросил помочь ему найти технологические чертежи какой-то очень старой конструкции и назвал номер. Вероника еще не успела подготовить свой регистрационный журнал и записала номер на маленьком квадратном листочке для записей. На том конце телефона, видимо, спросили, когда она может это сделать, и Вероника хотела с уверенностью сказать, чтобы позвонили через два-три дня, так как на поиск старых чертежей иногда уходило несколько дней, но... ее взгляд остановился на верхней папке в стопке папок, которые она положила на стол с полки для создания рабочей атмосферы. Начальный номер соответствовал запрашиваемому. – Минуточку, – она положила трубку на стол и развязала папку с изменившимся от времени цветом. Аккуратно развернув старый чертеж, она увидела номер. – Пауза затянулась. Еще никогда она не находила так легко нужный кому-то старый проект. Она взяла трубку и сказала: «Если он вам нужен срочно, то приходите сами. Я смогу вам занести его только после обеда». На том конце телефона послышался радостный молодой голос. – Вот и прекрасно. Пусть сами приходят. Им легче меня найти, а их искать..., да еще на каблуках.» – Вероника посмотрела на свои сапожки, наклонилась к нижнему выдвижному шкафчику стола, достала губку для обуви и протерла свои сапожки от пыли.

– А ресницы все-таки надо подкрасить, пока шеф не пришел. Он меня обожает. Говорит, что я его вдохновляю. Вообще-то, у нас с ним полное понимание и доверие. Трудно поверить, но мы только вдвоем с ним управляем этим архивом. Были попытки взять кого-то еще в помощь, так для этого надо было еще штатную единицу пробивать, а шефу было не до этого, так все и затихло. Да никому уже эти старые проекты не интересны, а выбрасывать жалко, музейная ценность, можно сказать. Так вот мы и перекладываем их с полки на полку, стряхивая пыль. Стараемся лишний раз не теребить, конечно. Договорились с ним, что я начну неспеша создавать компьютерную базу нашего архива. Современной техники у нас нет, да я и не видела никогда сканеров такого размера, как эти старые бумажные чертежи. Может где-нибудь в Америке или Японии есть что-нибудь для того, чтобы получить эти чертежи в цифровом формате, но мы об этом даже не знаем. В нашем офисе обычный сканер и принтер А4 формата. У меня была идея фотографировать чертежи для создания нашей компьютерной базы, мы даже фотографа профессионального приглашали, но опять – начальство не договорилось, кто ему будет платить. Он покрутился, покрутился здесь и пропал. Никого это не интересует, кроме нас с шефом. Так что мы тут сами себе хозяева. Сначала пытались сложить все по номерам для порядка. Но их тут такая уйма, что вдвоем быстро не справятся. Потом обнаружили, что четкой нумерации у папок нет, какой-то хаос стал получаться, складывать по номерам или годам? Плюс надо обязательно открывать каждую папку и смотреть номер каждого чертежа, потому что на папке может написано одно, а внутри совсем другое. Видимо кто-то когда-то, работая с чертежами, складывал их в первые попавшиеся папки, не заботясь о том, что кто-то будет в них разбираться. Другого объяснения у меня нет. И вот мы с шефом решили, что, надо хотя бы все пересмотреть, а заодно и записать в компьютерную базу. Так вот я этим и занимаюсь: открываю каждую папку, разворачиваю чертеж, смотрю год, читаю описание, все это заново в компьютер и перекладываю на другой стеллаж, пытаюсь сохранить

логическую оригинальную нумерацию с цифрами и буквами. Иногда даже год не указан, и мы не можем понять, что это и для чего это, и откуда это, как какие-то отрисованные запчасти, наверное, выпавшие из какой-то папки, попробуй найди... Для всяких непонятностей я завела отдельный стеллаж, когда у шефа есть время он их просматривает, но, обычно, опять кладет туда же. Он мною доволен. Я, обычно, делаю отчет в конце недели и показываю ему аккуратные полочки, которые на всякий случай тоже подписываю понятными мне описаниями. Это все тоже заносу в компьютер, но не дай бог кто-нибудь что-нибудь передвинет... Поэтому мы не стремимся с шефом кого-то еще приглашать в помощь. К моему компьютеру у него тоже есть доступ, я ему подробно рассказываю и показываю где и что. Ну вот, кажется, он идет. – И Вероника поворачивает голову с очаровательной улыбкой навстречу двери для приветствия своего начальника, всем своим видом показывая свою радость. Но шаги у двери затихли и в дверь не громко постучали. – Нет, это не шеф, – сказала Вероника сама себе и крикнула: «Войдите». На пороге появился молодой человек, она его видела впервые. Он протянул Веронике, как ей показалось, требование с просьбой выдать чертеж под номером, который как по волшебству появился у нее на столе этим утром. Молодой человек при этом так приветливо улыбнулся, что Вероника даже не посмотрела на документ, который взяла у него. – Какой очаровательный мальчик, – подумала она и разулыбалась ему в ответ, как кинозвезда молодому Тому Крузу. – Вообще-то, мы не любим отдавать чертежи из архива, – произнесла она, немного кокетничая. – Когда вы его нам вернете? Вам три дня достаточно? Только обращайтесь очень аккуратно, для нашего архива все наши документы на вес золота, – щебетала Вероника. – Если он вам, действительно, нужен для работы, вы можете заказать копию в нашем конструкторском бюро. Это, правда, займет немало времени. А может вас устроит его электронная копия? Так я могу отсканировать и отпечатать, но только частями, так как у нас сканер и принтер только для А4 формата бумаги. Но я вам могу их скрепить прозрачной клейкой лентой. Я однажды уже делала такую копию. – Молодой человек продолжал стоять в проеме открытой двери и улыбаться, как казалось Веронике, восхищенно смотрев на нее, от чего она просто вся искрутилась перед ним, говоря каждое слово с обольстительной сердечностью. Ей так понравилось с ним общаться, что она быстро-быстро придумывала все новые и новые варианты возможного взаимодействия. – Чертежи очень большие, их надо разворачивать на большом столе. У нас-то есть все условия для этого. Было бы даже лучше, если бы вы здесь с ними и работали. Это вас лично интересует или это чья-то идея? Кто у вас начальник? – и Вероника наклонила голову, чтобы прочитать требование, которое он принес ей... Упс... В руке она держала простой листок бумаги, – а где требование, заверенное печатью с подписью и фамилией? Я ведь даже с места не двигалась? – Вероника медленно подняла голову, мысленно продумывая как бы повежливее об этом спросить у этого обворожительно прекрасного молодого человека. Подняв голову, она увидела своего начальника, который спросил ее: «Что-то я не понял, что здесь произошло? Какой-то мальчишка чуть не сбил меня с ног.» Вероника медленно подошла к своему столу, чертеж все так же лежал у нее на столе... У нее не было сил отвечать. – Что-то произошло? Или ничего не произошло? – Начальник по-прежнему ждал ответа. – Я не поняла зачем он приходил. Я его не знаю. Он спрашивал чертеж из этой папки, – Вероника взяла папку и отдала ее шефу. По всей вероятности, ее голос был тихим и весь ее вид был очень растерян. Начальник взял папку и не стал больше ни о чем ее расспрашивать. Наверное, он еще ее такой не видел.

Понемногу Вероника пришла в себя. – Так, так, так. Уу..., – и она сделала глубокий выдох. – Так, в конце концов ведь ничего не произошло. Ну, приходил. А почему убежал. Может, просто быстро ушел, может спешил и понял, что я тяну время и не собираюсь ему ничего давать? Тогда где мне его найти, чтобы извиниться. У меня ведь ни его фамилии, ни фамилии его начальника. А, может, ему не так уж и нужен был этот старый чертеж? Тогда хоть бы что-нибудь сказал, – Вероника в раздумье села за стол. Ее взгляд остановился на маленькой записной бумажке с номером чертежа. Она взяла ее и положила в верхний

выдвижной шкафчик для неотложных дел в течение дня, где еще было пусто, и медленно его задвинула. Посмотрела на чайник. Она ведь еще ни глотка не сделала с утра. Да и обычно, когда начальник приходил она предлагала ему чашечку. – Извините, Валерий Павлович, что-то не так, – мысленно сказала она.

– Ой! – и она хлопнула себя по лбу. – Так ведь Петр Петрович на вахте видел его, он его пропустил, если у него был пропуск. Может он запомнил его фамилию или спросил его из какого он отдела. – Вероника соскочила со стула и стремительно выбежала из офиса. – Коридор довольно длинный и узкий. – подумала она. – Надо спросить Валерия Павловича где, в каком месте коридора он его видел? – Вероника, запыхавшись, выбежала в фойе. Яркий свет солнца попал на ее лицо неожиданно так, что она зажмурилась и приложила руку ко лбу, прикрывая глаза. – Господи, откуда солнце? – подумала она, – с утра ведь было пасмурно, – и она поближе подошла к турникету, обдумывая как бы так ненавязчиво поболтать с Петром Петровичем. Она понимала, что не хочет ему рассказывать, что чуть не отдала чертежи без расписки.

– Если ему что-нибудь сказать, то можно быть на сто процентов уверенной, что будет весь отдел знать. Через него мы все новости узнаем, – Вероника уже было повернулась к застекленной будке вахтера, надев на лицо широкую улыбку для приветствия, как увидела скомканный листочек бумажки на металлическом турникете. – Ну вот, и повод нашелся. – Петр Петрович, – направляясь к нему обратилась она, – здарсьте, что это у вас тут бумажки валяются, – смеясь начала она и остановилась... Она хотела выбросить бумажку тут же, но автоматически сунула ее в карман пиджака, когда не увидела улыбающейся головы вахтера за стеклом. Тревога пробежала по телу. Она быстро подошла к открытой двери стеклянной будки... Голова Петра Петровича лежала на столе в неудобной позе, а руки расслабленно свисали к полу. – Петр Петрович, – истерически крикнула Вероника так, что Петр Петрович громко всхрапнул. – О, господи, Петр Петрович, проснитесь! – повелительно крикнула Вероника и от досады хлопнула его по лбу. И Петр Петрович приподнял голову, недоумевая что здесь происходит. – Петр Петрович, как вы можете спать на работе? – продолжала она все в том же раздосадованном тоне. – Петр Петрович встряхнулся. – Петр Петрович, вы пьяный что ли? – чуть ли не плача спросила она.

– Ну что ты, Вероничка, я не пью вообще, тем более на работе.

– Тогда как вы себя чувствуете? Что с вами было? Вы не выспались сегодня, поэтому устали и заснули? – Петр Петрович пожал плечами и сконфуженно попросил Веронику никому об этом инциденте не рассказывать. Вероника укоряюще посмотрела на него и вздохнула, как бы говоря «ай-яй-яй». Так обычно взрослые говорят детям. Затем она медленно прошла вдоль турникетов. Ее задача еще не была выполнена, она еще ничего не спросила у него об утреннем визитере. Ее взгляд остановился на металлической поверхности турникета, хорошо освещенной солнцем. На зеркально-металлической поверхности явно виднелись отпечатки растопыренной пятерни, пальцы которой были направлены к выходу. Она сразу представила типичную картину того, как все проходят вдоль турникетов на выходе... Все показывают пропуск и смотрят на Петра Петровича. Конечно, следы рук могут быть в конце турникета, хотя вряд ли. Нет такой необходимости, чтобы отталкиваться руками от турникета, физиологически неудобно. Здесь явно пятерня была оставлена сверху и прямо в центре турникета. – А что, если кто-то перепрыгнул турникет, пока Петр Петрович спал? – И Вероника явно представила возможный прыжок в высоту и длину. Моментально проанализировав ситуацию, она пришла к выводу, что для тренированного молодого человека это проще простого. Она незаметно достала мобильник, быстро сделала фото и сразу подошла к Петру Петровичу с вопросом: «Петр Петрович, к нам молодой человек приходил недавно. Вы запомнили его фамилию? Из какого он отдела? А то что-то я не поняла зачем он приходил.» Петр Петрович смотрел на Веронику умоляющим взглядом... – Вы видели его? Или вы спали? – Петр Петрович мол-

чал. – Но ведь после него проходил через турникет Валерий Павлович. Так, так, так, так, так... – подумала Вероника и не дождавшись ответа опять спросила: «Ну, а Валерия Павловича вы видели? Он после него проходил, вы должны были ему открыть турникет также, когда он покажет вам пропуск, хоть вы его и хорошо знаете.» – Лицо вахтера приняло еще более умоляющее выражение. – Вы что не помните, вы не могли спать в это время. Ведь кто-то открыл турникеты, чтобы впустить их... Скажите хоть что-нибудь. – Ситуация стала принимать необъяснимый характер. Вахтер пожимал плечами и говорил: «Не знаю, не помню.» Вероника махнула рукой и побежала к шефу выяснять ситуацию дальше. Она почему-то ни минуты не сомневалась, что отпечаток пятерни принадлежал молодому человеку, и она очень ярко представляла, как он прошел мимо спящего вахтера и перепрыгнул турникет. – Но как он зашел в здание? На случай, если что-то не так у Петра Петровича есть кнопка немедленного реагирования. Значит, когда он входил все было спокойно, по правилам. Ой, надо скорее спросить шефа, – на ходу болтала сама с собой Вероника. Честно говоря, ее облик уже принял энергичный и решительный вид, и она была довольна своими логическими рассуждениями на данный момент.

Пока Вероника шла по длинному коридору, у нее была возможность подумать, как начать общение с шефом. Она не любила быть в глупых ситуациях, и ей было просто необходимо восстановить свою репутацию в глазах шефа. Кабинет шефа находился за архивом и никто, кроме нее не мог зайти туда, потому что надо было пройти сквозь ряды папок и чертежей, и других грудой наваленных на полках старых документов, которые они еще даже еще не смотрели. Многие документы лежали нетронутыми очень-очень давно, когда еще и компьютеров не было, и все архивы записывались вручную в журналы. Так как старые документы никто не запрашивал, соответственно, их никто и не разбирал. Нам даже советовали аннулировать их за давностью лет и сжечь. Так это тоже при нашей бюрократии не легко сделать. Надо создавать комиссию. Тогда, я помню, Валерий Павлович сказал: «Лежат и пусть лежат, есть не просят, места хватает». – Это было, когда я только пришла работать сюда. У нас тогда вообще никакой техники не было, только эти пронумерованные стеллажи и какие-то выцветшие надписи на них. А сейчас у нас евроремонт в офисе сделан, и компьютер есть, и сканер, и Интернет. Вообще-то офисом называется моя комната. Здесь столы, небольшой диван, телефон, а кабинет Валерия Павловича – это просто его комнатка. Я редко захожу к нему. У нас компьютеры целый день включены, мы друг другу сообщения посылаем. А его стол я использую, когда разворачиваю чертежи. Валерий Павлович редко за него садится, вот я и пристроила его для работы. Обычно, задания он дает мне, когда заходит в офис, а если он хочет что-нибудь обсудить со мной, то выходит из своей комнатки, садится на диван, закинув ногу на ногу, и в свободной дружеской беседе за чашкой чая мы составляем план нашей работы, обсуждаем наши ежедневные рутинные дела, я отчитываюсь перед ним и рассказываю о самых последних новостях моей деятельности в деталях. К нам редко кто приходит, это Валерий Павлович все время на совещаниях: или у технологов, или у конструкторов, или в дирекции, или на объектах. На моей памяти мы проводили совещание всего один раз, когда только сделали ремонт в офисе. Валерий Павлович тогда сел за новый стол и выглядел, как современный бизнесмен, – мыслями Вероника окунулась в прошлое, и когда она зашла в офис, то уже мило улыбалась. Она включила чайник и села к компьютеру. Немного помедлив, она написала, как всегда: «Валерий Павлович, чайник уже закипает». Он ответил тоже, как всегда: «Сейчас приду».

Он зашел с огромной кружкой, которую она когда-то подарила ему на Новый Год. – О господи, кажется, все хорошо, все, как всегда, – пронеслось фоном в ее голове, и она достала пакетик его любимого чая с бергамотом. Обычно, пока заваривался чай они обсуждали текущие дела. Но в это утро Вероника не успела еще абсолютно ничего подготовить для их дружелюбного совещания, поэтому она опять немного сконфузилась, потому что не знала, о чем бы ему сказать, а расспрашивать его про утренний инцидент почему-то уже не хотела. После немного

затянувшегося молчания Валерий Павлович медленно начал разговор: «Вчера Семен Семенович звонил из Москвы, – Вероника знала кто такой Семен Семенович – это был друг отца Валерия Павловича. Он и дал направление от Министерства Валерию Павловичу для этой работы. – Сказал, что наш архив военных лет будет переведен в музейный фонд, а затем его заберут в Москву.» – Все тело Вероники потяжелело и обмякло, она не могла вымолвить ни слова. – Мы ведь сами все время всем говорили, что наш архив – это экспонаты музея, – немного охрипшим голосом негромко продолжил он, извиняюще смотря на Веронику. – Теперь никому ничего не выдавай без моего разрешения, – уже немного бодро и начальственно сказал он. – Я уже звонил Главному технологу, попросил дать нам в помощь кого-нибудь из новеньких повыше ростом. Он обещал сегодня подумать и завтра прислать. Нам надо обязательно провести инвентаризацию, пока москвичи не нагрянули. Все наши бумаги должны быть в полном порядке, чтобы легко было осуществить акт передачи.» – Вероника кивнула в знак согласия и подчинения его приказу. Она никогда не спорила с ним. Она всегда давала ему понять, что он начальник. – Он похлопал ее по плечу, взял чашку чая и ушел.

Веронике стало так жалко себя, что она всхлипнула и хотела заплакать, – Хорошо, что ресницы так и не покрасила, тогда бы вообще жалкий вид был. – Она мысленно представила себя с черными кругами под глазами от растекшейся туши и не заплакала, а встала, оделась и вышла. В другое время она бы сообщила Валерию Павловичу, что уходит, но сейчас ей было на все наплевать. Она даже дверью хлопнула. Но пока шла по коридору ее гнев остыл. Она вышла в фойе, достала пропуск, помахала им Петру Петровичу и сказала: «Я ненадолго, только булочку купить.» На что Петр Петрович ответил: «Добрэ, добрэ», – что в его устах означало: хорошее дело; конечно, надо что-нибудь поесть; да проходите, пожалуйста, я вас знаю; всего хорошего, не волнуйтесь, возвращайтесь и, наверное, еще и еще что-нибудь. Когда Вероника вышла на улицу, она уже почти забыла о всех стрессах и с облегчением глубоко вдохнула морозный воздух первого похолодевшего дня. В кафе она купила свою любимую булочку с маком и шоколадной глазурью, та была еще теплой. – В этом кафе такие свежие булочки, они их сами пекут. – И Вероника с удовольствием вдохнула сладкий запах пекарни и с аппетитом откусила мягкую булочку. – А, наверное, я еще и кофе с молоком выпью, и посижу за столиком у окна, – решила она.

Когда она вернулась в офис, все было тихо и спокойно, как всегда. Она повесила пальто в шкаф, свою небольшую сумочку с кошельком положила во второй выдвижной шкафчик правой половинки стола, прямо под шкафчиком с неотложными делами, представила там записку с номером чертежа. Все было, как сто лет назад. – Надо бы поработать. Что у нас там по плану? Так, так, так, так, так, – и Вероника уставилась в монитор компьютера, – какая-то почта пришла... что? Уже Приказ готов за подписью директора? Ничего себе. Это как это они так быстро? У нас такие дела годами обсуждаются. Ууууу..., – Виктория сложила губы трубочкой, – это уже совсем не смешно. Только не паниковать! – сказала она себе. – Так, так, так, так, так... Архив военных лет... это годы 1941 – 1945, как я понимаю. Так, так, так, так... В каком ряду на каких полках наш архив военных лет? Можно сказать, я надеюсь, здесь у нас все в порядке. Эти полки я уже просматривала, все в базе данных. Тогда только инвентаризация всего остального хлама, который на первый взгляд и документами-то не назовешь... Даже выбросить хочется, да рука не поднимается, а вдруг какая-нибудь историческая ценность. Все надо смотреть, разбираться. А, может, просто эти документы были в работе и в спешке брошены на полки? Наверное, там и чертежи какие-нибудь есть. Итак, что нам нужно к завтрашнему дню? Записываем: Первое – новые папки, которые можно подписать и пронумеровать, разбирая весь этот хлам. Так. Где их взять? О, господи, это же надо было заказывать за месяц. Может Тамара Ивановна сегодня работает? Надо срочно позвонить, – И Вероника стала набирать номер телефона: «Ой, Тамара Ивановна, миленькая! Выручайте! Нам к завтрашнему дню нужны папки для инвентаризации. Без них нам не разобраться. Надо же все подписывать,

нумеровать... Есть?.. Да чем больше, тем лучше... Я сейчас прибегу.» – Слава богу! Где моя шоколадка? – и Вероника открыла второй сверху выдвижной шкафчик справа, достала из своей сумки небольшую шоколадку, которую купила себе для чая и выбежала из офиса.

Положив шоколадку на стол Тамаре Ивановне, Вероника соединила ладони, как для молитвы с умоляющим выражением лица. Тамара Ивановна засмеялась. Да для тебя и без шоколадки бы папки нашлись. Ну пойдем на склад, сейчас только ключи возьму... Читай, склад работает до трех часов, уже закрыт. Хорошо, что я еще здесь. Она загремела ключами о железную дверь, они зашли в темное неотопливаемое помещение, заваленное коробками. Тамара Ивановна включила свет. Отодвигая на пути коробки, она пробралась в дальний угол и сказала, заглянув в одну из коробок: «Здесь наши желанные... Бери, хоть все. Завтра еще привезу. Если нужно еще, приходи завтра с 12 до 15». Вероника запрыгала на месте: «Тамарочка Ивановна, вы даже не представляете, как вы меня выручили. Я вас обожаю». И Вероника хотела взять коробку, но Тамара Ивановна сказала: «Да я тебе помогу. Вместе-то удобнее», и они притащили большую коробку с папками в офис.

Когда Тамара Ивановна ушла, Вероника села за стол, глубоко вздохнула и сказала сама себе: «Хорошо, что сегодня сообразила, а то завтра пришлось бы ждать до двенадцати. Умничка Вероничка», – и она погладила себя по голове. – Так, что дальше... Работать мы будем здесь, за столом Валерия Павловича. Но все равно надо определить человеку на завтра рабочее место. Думаю, в архиве у окна будет нормально. Надеюсь, Валерий Павлович не будет возражать. В конце концов он в любое время может все поменять и передвинуть, или они могут притащить стол из архива сюда. Это будет, конечно, тесновато, и столы в архиве старые, их вообще никто не менял. В любом случае, надо освободить какой-нибудь стол, – и Вероника решительно встала и пошла в архив. Стол у окна был завален старыми бумагами. Если прибраться, – представила Вероника, – то будет совсем неплохо, как в библиотеке. Так, так, так, так, так... только куда это все... разбирать сейчас нет времени, скоро уже рабочий день заканчивается, – Вероника оглянулась по сторонам. – В другом углу, в темноте тоже виднелся стол. Они иногда перетаскивали его и ставили между стеллажами. Он старый и тяжелый, – Вероника слюда представлять, как она корячится, перетаскивая этот стол, и решила, что это не лучшая идея, которая ей пришла в голову. Тогда Вероника взяла и повернула стол, у которого стояла, на девяносто градусов к окну. – Как учили в школе, свет должен падать слева. Вот, и у нас теперь так. – Когда Вероника повернула стол, то открылся проход к окну. Подоконник у окна был большой, деревянный, не то, что узкие современные, а главное – рядом со столом. И Вероника, взяв в охапку документы, начала их перекладывать со стола на окно. – Вот завтра вместе и разберем их, – подумала она. – Надо взять тряпку и протереть стол от пыли, да и стул принести. О, у входа даже вешалка есть. Видимо, кто-то когда-то именно здесь и сидел, и работал. – И Вероника пошла в поисках тряпки. Когда она вернулась, то увидела очень грустного Валерия Павловича. Он был одет и уходил домой, на ходу сказав: «Директор уволился, или его уволили...» Вероника открыла рот, чтобы сказать что-нибудь, например, «Как так? Он же еще недавно Приказ нам подписал, его по почте прислали», – но не успела, Валерий Павлович уже вышел. «О, час от часу не легче», – сказала она и присела на пыльный стол. Под подоконником были приклеены старые газеты, кто-то утеплял оконные щели. Это было типично когда-то. Вероника, склонив голову, смотрела куда-то вниз уставшим взглядом. Ей уже не хотелось ни о чем думать. Газеты были наклеены и ниже, вокруг батареи, и под батареей. И ее взгляд автоматически читал заголовки газет. Вдруг она очнулась, потому что не смогла прочитать газетный заголовок внизу, у самого пола. Это что? Немецкий что ли? – спросила она себя. – С пробудившимся интересом к прошлому и истории, она присела. Уголок газеты уже загнулся и отклеился, и снизу торчал какой-то пожелтевший уголок бумаги, за который Вероника осторожно потянула из любопытства. Это был маленький пожелтевший клочок бумаги, на котором было написано карандашом: «ELTFON». Она осторожно положила его в правый карман

пиджака и поставила стол как прежде, решив, что, пожалуй, ей тоже нужно рабочее место в архиве. – Ну, этого достаточно на сегодня. Пора домой, – скомандовала себе Вероника. – Так, идем выключаем компьютер, бумажку из кармана – в правый верхний ящик для неотложных дел. – Все, я устала... Она откинулась на спинку стула в изнеможении от всех стрессов прошедшего дня и засунула обе руки в карманы пиджака. В левом кармане лежала скомканная бумажка, которую она не выбросила утром в фойе. Она достала ее, развернула. Это был билет в музей – Царское село – прочитала она и подумала: «А я сто лет нигде не была», – и бросила помятый билет в тот же правый верхний выдвижной шкафчик неотложных дел.

В дороге Вероника старалась ни о чем не думать и чувствовала себя беспомощной. – Есть вещи, которые приходят внезапно, и их нельзя изменить. Вспоминается одна философская мудрость, что надо принять то, что не можешь изменить. Не помню точно сейчас полностью. Там было три жизненных правила. Так вот одно звучало, кажется, так: «И будь мудрым принять то, что не можешь изменить.»

Когда Вероника вышла на своей остановке. Она облегченно вздохнула, что еще чуть-чуть и она будет дома. На показавшемся странном сегодня с утра пустыре было оживленно от людей, идущих от остановки, и шумно от бесконечного потока проезжающих машин. Утро было уже совершенно забыто в суматохе дня. Мамаша стояли и разговаривали, поставив на землю сумки с продуктами, вокруг бегали и кричали их дети. – Мне же тоже надо зайти в магазин, хотя бы пельменей купить на ужин. Не хочется ничего готовить, – подумала Вероника. В магазине она вспомнила – это Омар Хайям... – Когда Вероника остановилась перед светофором на обратном пути из магазина, она вспомнила всю мудрость и распрямила грудь, как будто собралась декламировать: «Господи, дай мне силы изменить то, что я могу изменить; дай мне мужества принять то, что я не в силах изменить; и дай мне мудрости отличить одно от другого.»

Глава 3. Неподписанный объект

Приготовив с вечера одежду и проверив будильник, Виктория спокойно заснула. Утром она сделала небольшую зарядку «Приветствие Солнцу», приготовила завтрак и вышла, «чувствуя себя человеком». Довольная своей уравновешенностью после вчерашнего, она зашла на проходную, достала пропуск и уже хотела помахать им и сказать: «Здрасьте» ... Но в стеклянной будке вахтера стоял какой-то новый охранник с каменным лицом. Он был неподвижным, не мигал, не шевелил ни единым мускулом. Весь серый облик нового охранника сливался с фоном будки вахтера в один неподвижный суровый монолит. Вероника не смогла сказать ему человеческого приветствия, а просто показала пропуск и прошла.

У двери офиса уже толкался какой-то высокий худосочный паренек, явно поджидая Веронику, так как очень обрадовался, когда ее увидел. Он первым поздоровался, представился, назвав свою фамилию и имя, и, не дожидаясь ее ответа спросил: «А вы, наверное, Вероника?» Получается, знакомство состоялось еще в коридоре.

Когда они вошли в офис, Вероника вспомнила, что приготовленный ему стол решила взять себе для работы непосредственно в архиве. Спросила из вежливости, хочет ли он чашку чая. Он ответил, что не отказался бы. Так что знакомство продолжилось уже за чаепитием. Он недавно закончил университет и был распределен к технологам. Вероника рассказала, что им нужно будет сделать. В его обязанности будет приносить папки с полок из помещения архива на стол Валерия Павловича ей для работы и относить папки, ставить их обратно, скорее всего, на то же место или туда, куда ему укажет Виктория. Для верхних полок у них есть стремянка. И Виктория очень надеется, что высокий рост намного облегчит их общую задачу по проведению инвентаризации архива, которая до этого у них проводилась в рабочем порядке, без спешки и суеты. А также, что вчера произошли некоторые изменения, поэтому им надо поторопиться с инвентаризацией. Собственно, немного поговорив и выпив чай с сухариками, которые всегда были приготовлены к чаю, вместе с сахаром в офисе, они непосредственно приступили к работе. Вероника решила, что начать надо сверху, заодно вытирая накопившуюся пыль. Она показала Антону (так звали молодого человека) стремянку и дала задание для начала вытереть пыль на самом верху стеллажей, где лично она не могла это сделать даже со стремянки. Так как на самом верху никаких папок вообще не было, она оставила его греметь стремянкой, передвигая ее, и пошла включать компьютер.

Через какое-то время послышался голос Антона, Вероника подошла поближе: «Там что-то лежит, не дотянуться...» Вероника подала ему швабру, которой он подтолкнул глубоко лежащий предмет. Это оказалась одна из старых папок архива, на которой не было никаких надписей и номеров. Спустившись с лестницы и отдав папку Веронике, он потер ладони, довольный своей находкой: «Похоже кто-то что-то тут у вас припрятал, ни за что бы без меня не нашли». Вероника ответила: «Сейчас посмотрим», и пошла в офис за стол Валерия Павловича. Она бережно развязала папку, достала пожелтевший чертеж и очень медленно стала разворачивать слежавшуюся бумагу. – Хоть ничего и не подписано, но по папке можно предположить, что это то, что нас интересует сегодня – эпоха военных лет для передачи в музей. Может оказаться ценным экспонатом, – думала Вероника, пытаясь подцепить верхний слой склеенного от времени чертежа. Обычно она не рассматривала чертежи. В ее работу входило проверить штамп, дату, фамилии и подписи разработчика и начальника, название проекта и занести номер проекта в компьютер с этими описаниями, а также указать точное нахождение папки на стеллажах и проверить также соответствие надписи на стеллажах. Старые таблички потихоньку заменили на новые. Проверенные папки стояли ровненько и их легко было найти, хоть через компьютер, хоть гуляя между стеллажами. Наконец-то, она развернула чертеж, который был слегка разорван, да и она тоже немного добавила, разворачивая слипшиеся листочки. –

Так. Справа внизу ничего, ни таблицы, ни штампов, ни фамилий и подписей разработчиков, ни названия проекта. Может что-нибудь с обратной стороны? Иногда конструкторы подписывают карандашом в левом верхнем углу. Нет ничего, да и левый угол, как назло разорван. – Вероника опустила чертеж на стол в раздумье. – На «тарелку» похож», – сказал Антон. – Тут Вероника только посмотрела на содержание проекта. Это был чертеж общего вида с размерами и прорисовкой общих верхних деталей с винтиками и отверстиями. Да, действительно, объект был округлой формы. Она молчала, у нее не было по этому поводу никаких идей. – Я видел в Интернете первые немецкие дископланы. Примерно также выглядят, – нарушил молчание Антон. – Может наши конструкторы тоже сделали попытку разработать что-нибудь подобное, – продолжал он, – Я даже помню, что строительство таких объектов немцы начали перед войной и концу 1944 года у них было построено три летательных дископлана, которые могли взлетать вверх с места, и приземляться на маленькие площадки, как современные вертолеты. Гитлер даже надеялся открыть производство таких летательных дископланов в 1945 году и выиграть войну, захватив весь мир. – Но летательные объекты не могли оказаться в нашем архиве, может это круглый корабль, и он может двигаться по воде или под водой? – Высказала свои предположения Вероника. – А что, может, наверное, и по воде двигаться... и под водой, – почесав макушку в раздумье произнес Антон, – но вряд ли. Моя интуиция говорит, что это все-таки летательный аппарат, как у немцев. Здесь указаны только габаритные размеры. Более вероятно то, что это просто своего рода рисунок с размерами для конструкторов, чтобы сконструировать корабль, на который этот летательный аппарат может приземляться. – О, это похоже на правду. Ладно, подискутировали немного... Как записать неопознанный летательный объект или неопознанный плавательный? – пошутила Вероника, – и они весело рассмеялись.

В это время зашел Валерий Павлович: «Что это, откуда, где вы это взяли? Это не наш объект.» Вероника такой реакции не ожидала. – Да мы нашли на самом верху стеллажей. – Она думала, что он их похвалит, что они такие молодцы, а он в крик. Она его редко видела таким нервным. – Мы только не знали, как записать, – неуверенно сказала Вероника. – Куда записать? – заорал Валерий Иванович, – на мусорную кучу и сжечь. – Валерий Павлович, вы это серьезно? А как же в музей? – пролепетала еще тише Вероника. – Тебе не понятно? На мусорку и сжечь. – Он даже не пошел к себе, а вышел, хлопнув дверью. Антон с Вероникой посмотрели друг на друга, и Вероника опустила глаза. – Шеф никогда на нее не кричал, да еще при других. Может ему тоже охранник не понравился? Приветствие Петра Петровича по утрам уже вошло в привычку, как напутствие. Он каждому говорил что-нибудь приятное. А, может, Валерий Петрович приревновал??? Когда он зашел, мы так весело смеялись. – Она стала складывать чертеж, отметив машинально, что бумага-то не похожа на нашу, более гладкая и тонкая. – Что будем делать? – она посмотрела на Антона. Она еще не была в такой ситуации, когда она не могла выполнить команду своего шефа. – Даже, если Валерий Павлович сказал это серьезно. Мы не можем это сделать здесь. Охранники услышат дым и прибегут, или завоет пожарная сигнализация. Вынести папку через проходную, чтобы сжечь невозможно без его подписи и печати. Для этого надо оформлять специальную накладную. Может положим туда же? А когда Валерий Павлович «отойдет», похоже нервный срыв у него сейчас, я его опять спрошу. Все-таки старый документ, неважно чей. Сжечь всегда успеем. Да мы никогда и не сжигали документов. Если он будет настаивать, пусть оформляет все сам, или аннулирует, для чего комиссия нужна. Если комиссия поставит соответствующую резолюцию, тогда это сделают и без нас, – рассуждала вслух Вероника. – Согласен? – А мне-то что, я здесь человек временный, – ответил Антон. – Конечно, он не ожидал такой встречи с начальником. – Я даже не успела их познакомиться, – подумала про себя Вероника. Полный конфуз, – Вероника завязала папку. – Забрось, пожалуйста, обратно. – Антон нехотя полез по стремянке. – Вообще не видно, даже отсюда, здесь планка деревянная закрывает, – и Антон, смеясь добавил: «Как нашел, так и спрятал».

Глава 4. Пустая папка

Настроение у них упало. Уже не хотелось ничего делать. Тогда Вероника предложила опять попить чай:

– Тебе сколько сахара, одну или две?

– Одну.

– Я себе две кладу, хоть и говорят вредно, но почему-то на работе я люблю сладкий чай. А дома пью чай с медом. Кстати, у нас здесь есть мед. Я себе когда-то принесла. Иногда хочется что-нибудь сладенького. Но тогда я пью чай без сахара, а мед ем с бубликами.

– Что-то очень сложно.

– Да ничего не сложно. Если с чем-нибудь несладким, например, с бутербродом с сыром, то я пью сладкий чай, а если с чем-нибудь сладким, с шоколадкой или с бубликами с медом или с булочкой сладкой, то я пью чай несладкий.

– Честное слово, не понимаю.

– Что тут непонятного? А когда я пью просто чай, без бутерброда или сушек, то на работе – с сахаром, а дома – без сахара. На работе мне сахар нужен для работы мозгов. У меня без сахара голова начинает болеть. А выпью чашечку чая с сахаром становится лучше, конечно, еще лимон желательно добавлять, но у нас холодильника нет, негде его хранить до следующего дня. Иногда, правда, я оставляю, но мне кажется, что лимон впитывает пыль и становится невкусным на следующий день.

– А в Англии пьют чай с молоком. У них везде на столах пакетики с молоком, вместе с пакетиками сахара. Но чай они пью густой, даже горький, как чифир. Мы пакетик с чаем быстро вытаскиваем, а они, пока не заварится покруче. Американцы и немцы, в основном, кофе пьют. Несколько чашек в день, некоторые даже на ночь пьют кофе.

– Я пью кофе только утром.

– Я тоже.

– Ты не обижайся на Валерия Павловича. Он вообще-то вежливый и интеллигентный, и всегда улыбается, как американец. А сегодня, видимо, нервный срыв произошел.

– Да, сегодня весь завод лихорадит. Новое начальство приехало из Москвы. Он, наверное, волнуется. Как говорят, новая шапка по-новому метет. Я надеюсь, нас это не коснется. Это там, на верху, у начальства. – Поживем – увидим. Я стараюсь по-философски к жизни относиться. Всегда повторяю себе: «Что не делается – все к лучшему.» Так легче жить, просто плыть по течению, куда принесет – туда принесет. От борьбы и жизненных трудностей я устаю и чувствую себя беспомощной. Я не борец за правду, но хочу прожить жизнь все-таки достойно, «чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы» – это, кажется, Павка Корчагин говорил в «Как закалялась сталь» Николая Островского.

– А матрос Жухрай ему говорил, что у него есть все, чтобы быть хорошим бойцом за рабочее дело.

Они опять весело рассмеялись. И опять зашел Валерий Павлович.

– Директор на пенсию ушел, – сказал он, – вместо него уже новый из Москвы приехал. Галинка сказала, что молодой. (Галинка – это секретарь теперь уже бывшего директора). А вы все смеетесь. Хорошо устроились, ничего вас не волнует. – И он снял свою куртку и повесил на свой директорский стул. – Так, быстро за работу, – скомандовал он уже мягким, не сердитым голосом, – я вам помогу. Пока там на верху разбираются, нам надо, на всякий случай тоже порядком заняться, тем более, что давно собирались, да все руки не доходили, да и вроде бы такой уж надобности не было, – и они все втроем пошли в архивную комнату, а затем быстро распределили обязанности.

Антон приносил неразобранные бумаги по одной, чтобы не запутаться, и клал на стол Валерию Павловичу. Валерий Павлович аккуратно разворачивал и диктовал Веронике, а она быстро заносила данные в компьютер и всю информацию записывала на обложку новой папки, которую Антон отдавал Валерию Павловичу. Валерий Павлович проверял не сделала ли Вероника ошибки и отдавал Антону, который в обмен на проверенную папку давал ему новый документ, как правило, чертеж. – Я даже горжусь, как это у нас дружно получается. Мы все чувствуем взаимопонимание и ответственность за общее дело, – между делом думала Вероника. Вдруг Вероника остановилась, – Валерий Павлович, а такой номер уже есть. Повторите, пожалуйста, еще раз. Ну, да, – Вероника встала, и они все вместе пошли в архив. Антон притащил стремянку и достал нужную папку. Вероника развязала ее, и они увидели, что в ней ничего не было, – Валерий Павлович! – истерично, повысив голос, почти закричала Вероника. Антон ссутулился и чуть слышно сказал: «Ну, пока вы тут разбираетесь, я в столовку сбегаю, время уже обеденное», – и он юркнул к двери между ними. Вероника только услышала: «Ох, мадридский двор.» И дверь за ним захлопнулась.

Они молча смотрели друг на друга. Вероника в негодовании, а он, по всему было видно, что пытался не поддаваться этому семейному скандалу... Валерий Павлович понимал, что это значило для Вероники. Она столько времени потратила, чтобы в их архиве был порядок. – Говорят, что в минуты скандала надо досчитать до десяти, а потом начать говорить, – поэтому чуть было не вырвавшиеся обвинения у Вероники в адрес Валерия Павловича застыли на ее губах, потому что она мысленно начала считать. Она глубоко вздохнула, довольная, что все-таки смогла сдержаться. – Сейчас спокойно разберемся, – подумала она.

– Валерий Павлович, вы понимаете, что это значит? Кто-то вытащил чертежи и не положил на место. Я не могла это сделать, вы понимаете. Для меня порядок прежде всего. А вы помните, вы работали с фотографом? Я, правда, пыталась вас контролировать, но вы сказали, что все будет в порядке и пообещали все складывать туда, откуда взяли.

– Мне пока даже нечего тебе ответить. И я не могу тебе сказать, что это я мог туда положить эти чертежи. Все-таки я знаю, что это у нас неразобранный угол. Логически, я не мог. Да, я помню, что я сразу складывал чертежи и ставил на место папки, помня твои наставления. Да, и ты маячила все время, напоминая. Не думаю. Может кто-нибудь позвонил и отвлек, и я автоматически положил то, что было у меня в руках куда попало.

– Но, чтобы положить в этот угол вам бы пришлось пройти через весь архив.

– Тоже верно. Вряд ли бы я оказался в этом темном углу просто так. Давай оставим пока эти обсуждения. Хорошо, что нашли и все обошлось.

– Валерий Павлович, но я теперь не уверена, все ли у нас в порядке.

– Да, понимаю. Извини. Люди – не роботы. Иногда бывают ошибки. Но я не могу взять вину на себя, все-таки. Может, это к тебе кто-нибудь приходил. Подумай, может вспомнишь?

– Валерий Павлович... – и Вероника вышла из архива, чтобы не сказать что-нибудь грубое... У нее уже был опыт семейной жизни, когда скандалы вырастали из-за пустяка, только потому, что никто первым не мог остановиться. Она четко усвоила эти уроки. Теперь она могла остановиться первой. Она знала, что через некоторое время все само прояснится. И то, что в скандале кажется бегемотом, в реальности оказывается муравьем. И еще, ей не нравилось, что их деловые отношения стали напоминать семейные. Еще этим утром она, хотела ответить ему, что кричать будете дома, но сдержалась. Это точно, могло спровоцировать скандал. Затем она усмехнулась, спросив саму себя: «А почему бегемот и муравей? Ведь люди говорят, что «не делай из мухи слона». Наверное, открытая пасть бегемота больше похожа на орущего, а муравей меньше мухи.

Когда вернулся Антон, Вероника пила чай.

– Хочешь?

– Да я только поел.

– Почти поссорились. Я его к чаю не пригласила. Но у него есть кофе-машина. Он иногда кофе пьет, вместо чая.

– Что-нибудь выяснили?

– Да в том-то и дело, что нет. Теперь каждый думает на другого. Получается, а ты, а ты... Я пыталась ему одну версию подкинуть насчет его работы с фотографом, но он ее мягко отвел. Вроде больше никого у нас не бывает. Вот только уборщица моет полы раз в неделю везде: и здесь, и в архиве, и у него. Шкафы, столы и полки мы сказали не трогать, это я сама пыль вытираю... иногда.

– На заводе переполох. Народ страсти раздувает. Что с нами теперь будет и т. п. В столовке все шепчутся, никто громко не говорит, никто не смеется. В общем, напряженная атмосфера. Обычно ведь заходишь, гул стоит, не перекричать, все в один голос.

– А я в нашу столовую не люблю ходить, мне там запахи не нравятся.

– А мне нравится. Дешево и сердито: и салатик, и первое, и второе, и компот, и булочка.

– Серdito – это как?

– Это, когда можно поесть за небольшие деньги и при этом наесться до отвала. Хотя, может быть, имеется в виду, что никакого сервиса, просто, по-деревенски, грубовато. Я никогда об этом не задумывался.

– Ну, ладно, сердито, так сердито. Давай продолжим что ли, чтоб Валерий Павлович видел, что мы работаем.

Глава 5. Проект №51

Антон разворачивал чертежи, диктовал Веронике номера и при этом успевал комментировать.

– А вот здесь номера проекта нет, а написано «к проекту 51».

– Сейчас подойду... Так здесь и печати нет, и фамилий. Опять неопознанный объект.

– Может опять на верхотуру закинуть?

– Ха-ха. Нет, надо сначала Валерию Павловичу показать. Но не сейчас. Я положу к себе на стол, когда Валерий Павлович выйдет сюда, тогда мы и спросим. Да, может мы и проект 51 тоже найдем, тогда все вместе и поставим на полку, будет ясно что и откуда.

– Опять «к проекту 51», только здесь уже дата стоит и фамилия конструктора, но подписи начальника конструкторского бюро нет и, соответственно, печати тоже.

– Вот видишь, теперь понятно, почему они там валялись кучей. Видимо, кому-то жалко было выбросить, как и нам, впрочем... Заведем-ка мы толстую папку с надписью: «К проекту 51». Раз год стоит, уже место на полке определено. Так, 1940 год. Ведь музейная ценность.

Вышел Валерий Павлович. Он протянул ей папку, которую она дала ему вчера: «Поставь на место. Я к технологам на совещание.» – Вероника посмотрела на номер... №941—51... 1940 год... – Давай-ка посмотрим, что здесь. Ты ведь технолог, может поймешь. Здесь последняя цифра тоже 51... и год совпадает, – они развязали папку, достали чертеж и развернули его на столе Валерия Павловича.

– Это похоже на немецкий тяжелый крейсер типа «Адмирал Хиппер», но только до уровня верхней палубы, есть нижние орудийные башни и частично какие-то надстройки.

– Печати и подписи главного технолога нет, но название можно прочитать «Лютзо – Петропавлов», 1940 год и смотри... та же фамилия, что и на чертежах «К проекту 51»! Теперь мы можем их вместе и поставить. Это, конечно, не готовый проект, но ведь люди над ним работали... в 1940 году. Ух... Даже в жар бросило.

– Тогда надо опять посмотреть, что там на чертежах «К проекту 51». Так, ну теперь все понятно. Здесь варианты достройки верхней палубы корабля.

– Тогда все объединяем под единым названием «Проект 51» ... 1940 год... Номер 941—51 я тоже запишу, как под номер.

– Смотрите, название проекта «Лютзо – Петропавлов». Оно двойное, поэтому и номер двойной. «Лютзо», скорее всего, – 941, а «Петропавлов» – 51. Может перерабатывали один проект в другой. 941-й был сделан где-то в другом месте, а 51-й – это наш заводской номер, интуиция подсказывает. Так что вполне можете под номером 51 все сохранить.

– Ах, слушай! А ведь у меня эту папку кто-то вчера запрашивал... позвонил с утра, у меня еще даже рабочий день не начался, журнал для записей звонков не приготовила, записала номер проекта на бумажке записной... вот она... точно 941—51.

– Кому могут понадобиться сейчас чертежи 1940 года?

– Да, вот и я думаю. Это, наверное, кто-то из Москвы был или от них... Валерий Павлович сказал позже, что наш архив военных лет переводят в музейный фонд, а потом заберут в Москву. Кто-то хотел взять этот чертеж до этого, как простой, архивный. Хорошо, что я ему зубы заговорила и не отдала. Вон как все сложилось. А ты немецкий знаешь?

– Знаю немного, но лучше английский.

– Вчера, когда я пыталась навести порядок и переложила папки со стола в архиве на окно, я видела, что окно обклеено газетами для тепла. Раньше так делали, ведь стеклопакетов не было. Когда я повернула стол для лучшего прохода к окну, то увидела, что стена обклеена и ниже, и вокруг батареи под окном, до самого пола. В глаза бросился заголовок с двумя точ-

ками над английской буквой «ю». Я подумала, что это немецкий. А сейчас я думаю, откуда в русском архиве немецкие старые газеты? Пойдем-ка посмотрим.

– Низко очень... даже на коленях, хоть ложись, чтобы прочитать, да и темно здесь под батареей, не прочитать толком. Давайте я мобильником сфоткаю и на компьютере посмотрим?

– Отойди, тогда уж я сфотографирую... и на всякий случай все газеты вокруг окна.

– А у вас зарядка к мобильнику с собой?

– У меня все с собой. Я здесь, как дома. Так, все шнуры в верхнем левом выдвижном шкафчике стола...

– Сейчас мобильники фотографируют иногда лучше фотоаппарата, особенно в экстремальных условиях, да и всегда в кармане.

– Эти фотки, наверняка, темные и нечеткие. В темноте и мобильники не могут сделать хороших фоток. Для этого у нас есть Фотошоп. Открою фотографии в Фотошопе... Так... Авто Контраст... Вот теперь иди сюда и читай.

– «В связи с заключением 23 августа 1939 года договора между Германией и СССР о ненападении...» – Да, знаем, был подписан пакт о ненападении, – «... наладились торговые отношения между странами. 30 января 1940 года был продан в СССР один крейсер типа «Адмирал Хиппер» под названием «Лютзо» за 150...1, 2, 3, 4, 5, 6... это 150 миллионов... за сто пятьдесят миллионов рейхс марок», – ого – «в обмен на продовольствие и сырье», – так... фотография... подписана: «Проект крейсера «Лютзо» 1935 год... Назван в честь немецкого героя Адольфа фон Лютзо.» – Что дальше пишут? – «15 апреля 1940 года корабль был отбуксирован в Ленинград», – еще одна фотка... подписана: «Лютзо» на достройке в Бремене перед отправкой в СССР».

– Что-то это мне напоминает... Это название у нас сегодня в «проекте 51» было.

– Тогда? ... Этот корабль в газете имеет отношение к нашему «проекту 51», так?

– Точно. Поэтому и была эта вырезка приклеена под батареей на память.

– Я же говорил, что похоже на немецкий крейсер.

– Давай посмотрим другие фотографии... Вот вижу... была наклеена рядом... Это уже вырезка из русской газеты: «11 февраля 1940 года недостроенный тяжелый крейсер „Лютзо“ был продан СССР за сто четыре миллиона рейхсмарок плюс 46 миллионов рейхсмарок, на которые Германия будет поставлять запчасти для достройки корабля».

– Жди у моря погоды и свищи ветра в поле. Они же войну уже против СССР стали готовить. Будут они высылать запчасти к боевому кораблю? Поэтому и корабль недостроенный продали, небоеспособный... Это диверсия. Кто-то «откат» получил.

– «Откат» – это что?

– Это реальные деньги за оказанную услугу в торговой сделке. Платит тот, кто продает тому, кто у него покупает по высокой цене... Договариваются, обычно, в процентах. Сталин тоже мог, теоретически, договориться с Гитлером. Такой крейсер как «Лютзо» стоит девять миллионов, а Сталин заплатил Гитлеру сто пятьдесят миллионов... в надежде, что Гитлер ему вернет неучтенными в рейхсмарках. А Гитлер его обманул, и на эти деньги развязал войну. Ну, это к примеру.

– Ох, посмотрим, что пишут в других вырезках из газет вокруг батареи: «30 мая 1940 года германские буксиры доставили крейсер „Лютзо“ в Ленинград. Вместе с крейсером приехали немецкие рабочие и инженеры для достройки крейсера».

– Все понятно. У них и была немецкая газета, которая сейчас под батареей наклеена. А то откуда взяться этой немецкой газете здесь?

– Не написано сколько приехало немецких специалистов.

– А ведь это было всего за год до начала войны. Посмотрите, может, еще какую-нибудь информацию найдем.

– Так... «Завод приступил к достройке крейсера „Лютзо“ ... немецкие запчасти будут поставляться равномерно в течение 15 месяцев».

– Ага, а до начала войны 12 месяцев.

– А что стало с немецкими рабочими и инженерами, которые приехали? Как ты думаешь?

– Да, когда началась война они могли быть здесь, тогда им не позавидуешь.

– Еще одна вырезка: «25 сентября 1940 года Приказом Народного комиссара Военно-Морского Флота крейсеру «Лютзо» было присвоено название «Петропавлов».

– О, почти все вопросы на сегодня сняли. Можно я пойду? А то меня ждут.

– Конечно, до завтра.

– До завтра.

Вероника пошла в архив и, на всякий случай, придвинула стол к окну. – Завтра надо будет бумаги на подоконнике разобрать, – подумала она, – хорошо бы кто-нибудь окно помыл.

Глава 6. Коробка для линкора

На следующий день Вероника достала из шкафа свой новый деловой костюм. – Дорогой костюм помогает мне чувствовать себя более уверенно. Как броню надеваешь, читаешь уважение на лицах людей, никто никогда не откажет в просьбе, как будто новую должность сама себе даешь, даже манеры меняются, все решается энергично, по-деловому. Вообще-то, я всегда вспоминаю Маргарет Тэтчер, когда надеваю хороший костюм, – болтала сама с собой Вероника, надевая новый костюм. – Она посмотрела в зеркало и мило сдержанно улыбнулась глазами. Она считала, что широкая американская улыбка на ее лице выглядит немного неестественно. А улыбка глазами добавляла столько загадочности к ее образу...

На работу она пришла вовремя и успела прибрать волосы в прическу, как она считала, для солидности. Только не всегда у нее было время на это с утра.

Сначала пришел Антон, за ним Валерий Павлович. Она сказала ему, что они займутся документами на подоконнике и получила от него одобрение. Валерий Павлович также сказал, что сегодня новый директор собирает всех у себя, поэтому он сейчас пойдет в дирекцию.

– Чаю? – Вероника обратилась к Антону.

– Да, не откажусь? Холодно на улице.

– Это теперь до весны. У меня есть сироп шиповника. Он богат витамином «С». Давай вместо сахара добавлю?

– Можно.

– Ты вчера с девушкой встречался?

– Да. Она необычная, и очень интеллигентная. Играет на скрипке, говорит на трех языках: английском, немецком и испанском.

– Она что, еврейка?

– А откуда вы знаете?

– Я не знаю. Просто в русских семьях дети играют, а в еврейских – у детей нет времени на игры. Их с детских лет пичкают всякими уроками английского, французского, музыка, чаще всего скрипка. Странно, что твою девушку учили немецкому и испанскому.

– У нее родственники в Германии и Аргентине. Она им открытки поздравительные подписывает и по Скайпу разговаривает. Она сказала, что французский немного тоже знает, но никогда разговорной практики у нее не было. Она может читать по-французски. Мечтает поехать в Париж.

– Она работает или учится?

– Она экскурсовод. Я с ней только в эти выходные познакомился, когда решил съездить в Царское Село.

– Как романтично. Ты ей читал Пушкина: «Я помню чудное мгновенье:

– Передо мной явилась ты,

– Как мимолетное виденье,

– Как гений чистой красоты.

– В томленьях грусти безнадежной

В тревогах шумной суеты,

– Звучал мне долго голос нежный

И снились милые черты.

– Шли годы. Бурь порыв мятежный

Рассеял прежние мечты,

– И я забыл твой голос нежный,

Твои небесные черты.

– В глуши, во мраке заточенья
Тянулись тихо дни мои
Без божества, без вдохновенья,
Без слез, без жизни, без любви.
– Душе настало пробужденье:
И вот опять явилась ты,
Как мимолетное виденье,
Как гений чистой красоты.
– И сердце бьется в упоенье,
И для него воскресли вновь
И божество, и вдохновенье,
И жизнь, и слезы, и любовь»

И они снова рассмеялись, так как оба знали, любили и помнили эти замечательные стихи Александра Пушкина о любви.

Опять зашел Валерий Иванович. Увидев их развелелившимися, он буркнул что-то, а затем сказал, что ушел на совещание.

– Я люблю Пушкина.

– Да мы все любим. Этому в школе учат.

– Ладно, свернем приятное чаепитие до следующего раза.

И они пошли в архив, чтобы принести стопки бумаг с подоконника на стол Валерия Павловича.

– Вот теперь я понимаю, что судьба нас вознаградила, – пафосно продекламировал Антон, – перед нами проект Линкора – линейного корабля с самой крепкой броней.

– Неутвержденный проект.

– Зато очень серьезный объект. Сюда даже ваша «тарелка» приземлиться сможет. Здесь общий вид... В этом поперечный разрез... А здесь чертеж палубы... Дальше идут фрагменты... А вот чертеж системы бронирования... так, поперечные сечения по шпангоутам... Все одно к одному.

– Тогда надо все вместе и сложить. Здесь папкой не обойдешься, нужна коробка.

– Так вот же коробка, – и Антон показал на коробку из-под папок.

– Кстати, да, можно ее взять, а папки тогда туда, где эти чертежи были, на подоконник. Только тогда сначала надо окно и подоконник хотя бы от пыли протереть.

Они пошли в архив, оставив стопки документов на столе.

Пришел Валерий Павлович.

– Ну, все в порядке, можно особо не волноваться. Архив военных лет, действительно хотят перевести в музейный фонд и для этого будет сформирована комиссия специалистов. Но директор сказал, что если ценных экспонатов будет достаточно, то он заинтересован иметь музей военных лет у нас на заводе, а не отправлять в Москву.

– Вот и хорошо, Валерий Павлович! А вы видите, мы с Антоном скоро везде порядок наведем.

– Молодцы, молодцы. А я ненадолго, сейчас опять уйду, надо кое с кем встретиться. Ты же не будешь, возражать, если у нас будет заводской музей, а архив, в таком случае переедет на второй этаж. Я даже знаю кто может стать директором музея... Твоя кандидатура на первом месте. Только надо все обсудить.

– Ой, Валерий Павлович! Я вас обожаю! – всплеснула руками Вероника и улыбнулась ему широкой американской улыбкой успешного бизнесмена.

Когда Валерий Павлович ушел, Вероника с Антоном стали укладывать чертежи с его стола в освободившуюся коробку, – Вероника думала: «Хорошо, что я сегодня одела новый костюм. Должность директора музея будет мне к лицу».

Когда они притащили коробку в архив, Вероника скомандовала, что надо поставить ее на пол под стеллажи, так как на полки коробка не помещалась. Для этого они отодвинули опять стол, решив, что поставят коробку в дальний угол, так как она была и по ширине больше стеллажей. А в углу эта коробка никому мешать не будет. Так они и решили. Со всей силы они задвинули коробку под стеллаж как можно глубже, чтобы она уперлась в стенку. И коробка продвинулась в глубину дальше, чем они ожидали...

– Ничего себе. Там что стенки нет?

– Я тоже не поняла. Давай вытащим коробку обратно.

– Дайте, пожалуйста, мне что-нибудь длинное, палку какую-нибудь.

– Вот, швабра есть.

– Больше, чем длина швабры, – сказал Антон засунув швабру под стеллаж.

– Вижу.

– Чей-то тайник.

– Но сегодня мы туда не полезем. Я в новом костюме. Завтра джинсы одену. И ты надень что-нибудь, в чем не жалко по полу лазить.

– Надо фонарики принести. Мобильником, конечно, можно подсветить, но лучше подготовиться и приготовить фонарики. У меня есть шахтерский фонарик дома с лампочкой на голове, завтра принесу.

– Я тоже посмотрю, где-то я видела большой фонарик, надо найти и проверить батарейки. Тогда на сегодня все. Чай будешь?

– Давайте.

Вероника стала заваривать чай, а Антон от предвкушения чего-то неизведанного развешился и стал напевать:

«Наша служба интригующе трудна,

И на первый взгляд не очень-то видна.

Если кто-то кое-что таит порой

И честно жить не хочет.

Значит, мы с тобой пойдем в незримый бой, – Вероника подхватила песню, – так назначено судьбой для нас с тобой.

Служба... – Антон взял руку под козырек, как военный. Вероника ему ответила также под козырек – дни и ночи, – закончили они песню и в поклатку засмеялись. У Вероники даже слезы от смеха выступили, а Антон согнулся, придерживая живот.

– Ох, давно так не смеялся, – сказал Антон сквозь смех.

– Я тоже. А вот что будет завтра?

– До завтра еще дожить надо. Раньше времени не беспокойтесь. Давайте чай пить. Я вам стихи почитаю. У меня хорошая память. Я своей девушке вчера читал, свои... а вам я Александра Блока почитаю, хотите?

***

Душа молчит. В холодном небе

Всё те же звёзды ей горят.

Кругом о злате иль о хлебе

Народы шумные кричат...

Она молчит, – и внемлет крикам,

И зрит далёкие миры,

Но в одиночестве двуликом

Готовит чудные дары,
Дары своим богам готовит
И, умахённая, в тиши,
Не устающим слухом ловит
Далёкий зов другой души...
Так – белых птиц над океаном
Неразлучённые сердца
Звучат призывом за туманом,
Понятным им лишь до конца.

- Сразу стало грустно.
- Это не грустно. Это романтично... и загадочно... глубина чувств, полет мысли, богатство души.
- Ну, ладно, друг мой. По домам. В понедельник не опаздывай. Мы еще не знаем, что нас ждет.
- Да все будет нормально, не в лесу живем.
- Хорошо, хорошо, пока.
- Пока.

Глава 7. Склад ватмана

Утром Вероника надела джинсы и заплела косичку, чтобы волосы не подметали пол, потому что она серьезно собиралась залезть под стеллажи, чтобы увидеть, что там своими глазами.

Прежде, чем зайти в их инженерный комплекс, она обошла здание, чтобы снаружи осмотреть столько лет скрываемый метр или больше от наружной стены. Все выглядело обычно: окна, окна, окна. – Вот окно нашего офиса... так... дальше идет глухая стена архива... там какое-то узкое окошко, покрашенное. Обычно такие можно встретить в цехах на первом этаже. Доступа нормального к нему нет. Можно, конечно, подойти, больше подходит выражение «пролезть», так как на пути какие-то горы строительного мусора. Хорошо, что кроссовки надела. Сомнений нет, за стеллажами еще скрытое помещение с узким окном. Мне не залезть, конечно, но кто повыше может, наверное, подтянуться... и, если окно открыто, то и залезть. Окно без решеток... Мм... У нас-то в офисах везде решетки. А я думала, что мимо охраны ничего не пронести, а здесь спокойно можно в окно передать. Первый этаж ведь. Как это мы столько лет об этом не знали, ведь у нас чертежи всего нашего помещения хранятся. Во всяком случае я где-то встречала. Теперь надо их посмотреть. А почему охрана не нашла? Они же сигнализацию везде устанавливали. Наверное, только внутри, а не снаружи. Но у них тоже чертежи должны были быть. Кстати, решетка-то когда-то была. Выломана вместе с бетоном. Может она где-нибудь здесь и валяется? – И Вероника оглянулась в поисках вокруг, затем немного спустилась по небольшому оврагу к заводскому забору, перешагивая через горы мусора. – Вот, пожалуйста, вам... ржавая заброшенная решетка, – отодвинув немного кусты, как будто-то кому-то показывая сказала она. – Тайное становится явным, – и она довольная своими находками быстрым шагом пошла к проходной.

Когда она подошла к двери, то Антон уже ждал ее. Они приветливо улыбнулись друг другу и зашли в офис.

– Чайку? Или сразу полезем под шкафы?

– Нет, надо сначала морально подготовиться, обсудить план секретной операции...

И они опять засмеялись, как школьники, готовящиеся к одним им известной игре.

– Я кстати, уже здание обошла. Нет сомнений, что там пространство, там даже узкое окно есть. Туда просто никто никогда не заглядывал. Близко к заводскому забору, не пройти, все завалено строительным мусором. Кажется, что глухая стена, окна не видно.

Они еще немного поболтали и пошутили, допили чай и пошли в архив.

– Я первый полезу, – Антон надел шахтерский фонарик и включил его.

– Я за тобой.

Они по-пластунски смело юркнули под стеллажи рядом с отодвинутым столом у окна.

– Так здесь склад ватмана.

– Похоже... стопки, стопки, стопки ватмана. Откуда столько?

– А в коробках ватман в рулонах. Уже пожелтел по краям. А вот и простые карандашики в коробке. Точно был склад.

Они стали продвигаться вперед, отодвигая расставленные в хаотическом порядке коробки на пути.

– А вот и покрашенное окно, которое я сегодня обнаружила, – через него свет, едва проникнул в помещение.

– Ну вот, фонарик даже и не нужен, – и Антон выключил фонарик на голове. – Ууу... страшно? – и он подошел к Веронике очень близко, может, даже очень близко, чтобы шутливо напугать ее. Она смутилась и отошла, якобы не к ней это относилось, ничего не ответив.

– Смотри, здесь, кто-то кровать из стопок ватмана соорудил. Теперь понятно какой это был тайник, – Антон весело понимающе потер руки. Вероника присела на кем-то оборудованное ложе, ей нужно было обдумать сложившуюся ситуацию и осмотреться вокруг. Антон тут же бухнулся рядом. Вероника отметила про себя, что он сел слишком близко, но не дернулась и не отодвинула свою коленку, которая едва касалась его коленки. Вообще-то ей было приятно это ощущение... Тогда Антон подвинулся к ней еще ближе. Теперь уже его нога от коленки была плотно прижата к ее ноге... и Антон смотрел на нее. – Если я сейчас поверну лицо к нему, то дальше я за себя не отвечаю, – подумала Вероника и не шелохнулась.

– Вы сегодня, как девочка, – и Антон бережно провел рукой по ее косе. Вероника закрыла глаза. Она замерла, прислушиваясь как теплые тяжелые волны захватили ее низ живота... Он медленно продолжал движение вдоль ее позвоночника вниз. Вероника не шевелилась. Антон одновременно наклонился к ее уху, одной рукой расстегнул ее джинсы, а другая рука сразу проникла по позвоночнику вглубь. Все тело Вероники задрожало. Она сразу представила, как она поворачивает к нему голову, они начинают страстно целоваться и судорожно снимать друг с друга одежду, затем заваливаются на это приготовленное кем-то ложе... и...

Вероника не повернула свою голову к Антону, чтобы встретиться с его горячим дыханием, которое она слышала у уха... Она медленно вытащила его руку из ее джинс, сжала ее и сказала: «Извини, не могу.»

Она встала и выпрямилась. Ее мужчины всегда имели власть над ней. И она никогда им не отказывала. А теперь власть в ее руках. Но она не хотела использовать сложившееся положение... К тому же здесь было грязно. Она представила эту же ситуацию в ее уютной спальне у нее дома. Но знала, что вряд ли сможет пригласить Антона домой официально. Она очень сожалела, что отказала ему. Это было бы так романтично. Как в приключенческом романе. Но это было ни к лицу будущему директору заводского музея военных лет в ее глазах.

Молча они побрели осматривать помещение дальше. Антон плелся где-то сзади. Видно было, что интерес ко всему происходящему у него пропал. Они почти дошли до конца этой длинной коридорообразной комнаты за стеллажами, как увидели дверь...

– Хм. Эта дверь ведет к Валерию Павловичу... странно... – Они попробовали ее открыть, но она была заперта, а при содрогании послышался звук тяжелого металла. – Все понятно, там у Валерия Павловича стоит большой металлический шкаф, как в цехах для металлических деталей. Он его называет несгораемым и хранит ценные бумаги и договора в нем под навесным замком. Я думаю, Валерий Павлович даже не догадывается о существовании этой двери.

– Да, дверь старая, наверное, довоенная.

– Скорее всего, что и шкаф поставили в кабинет Валерия Павловича еще до него. Я знаю, что ремонта он там никогда не делал.

– Ну вот, теперь ясно, что здесь был склад, а затем кто-то закрыл его вход по каким-то своим соображениям. – Антон заговорщицки подмигнул, стараясь развеселиться и обратить все в шутку.

Но они не рассмеялись, как это было прежде, а молча побрели к выходу, к лазейке под стеллажами, которую нашли вчера. Антон предложил ей пролезть первой, но она представила себя на четвереньках, а Антона сзади... и предоставила Антону возможность вылезть первым.

Неловкость все еще сохранялась между ними. Вероника включила чайник, а Антон сказал, что пошел в столовую.

Зазвонил телефон. Это был Валерий Павлович. Он сказал, что сегодня уже не придёт. Занимается поиском помещений для архива... много людей придётся побеспокоить с переездами... надо со всеми поговорить.

Вероника с облегчением вздохнула. Валерий Павлович бы сразу понял, что между ней и Антоном что-то произошло.

Вернулся Антон. Он старался на нее не смотреть. Она сидела в этот момент на диване и тоже боялась встретиться с ним взглядом. Он сделал несколько кругов по офису, а затем сел, как всегда с ней на диван, но, как можно дальше, насколько позволяла длина дивана. Конечно, если бы Вероника захотела, то она могла бы встать и сесть за свой стол, как начальница. Но она продолжала сидеть на диване... Она понимала, что очень хочет, чтобы Антон опять сел рядом и коснулся ее колена своей коленкой... Вероника глубоко вздохнула. Они все еще сидели и молчали... Тогда она встала и села на стул за свой рабочий стол.

– Валерий Павлович сказал, что не придёт уже сегодня. Если хочешь, можешь идти домой. На сегодня твой рабочий день закончен.

– А завтра мне приходиться?

– Да... я, конечно, попробую сказать Валерию Павловичу, что больше не нуждаюсь пока в помощниках, что мы почти все уже сделали. Вот только опять... этот найденный склад. Интересно, что он скажет, когда мы расскажем, что за его комнатой еще находится помещение? Мне кажется, что мы можем все отложить до переезда архива. Тогда Валерий Павлович сможет отодвинуть свой металлический шкаф и открыть дверь. Лазить под стеллаж я, лично, больше не буду.

– Тогда до завтра.

– До завтра. Можешь попозже прийти, не с самого утра.

Глава 8. Немецкие специалисты

Утром следующего дня Вероника надела свое лучшее белье, шелковую блузку и чулки. Подошла к зеркалу, покрутила пальчиками вокруг сосков, чтобы почувствовать приятное возбуждение. Она чувствовала, как набухли ее соски от предвкушения... и повернулась боком к зеркалу, чтобы увидеть торчавшие соски сквозь шелковую блузку. – Некоторые женщины даже пуговицы к бюстгальтеру пришивают, чтобы показать свою сексуальность, а у меня и так они торчат, без пуговиц, – отметила она, расстегнув верхнюю пуговицу, – нет, сейчас надо застегнуть, это я в офисе расстегну, – и она достала костюм. – Этот костюм я надеваю, когда хочу секс, здесь очень короткая юбка, а разрез идет прямо от... сами понимаете, – и она, уже натянув юбку, повернулась спиной к зеркалу, – ну, очень-очень... я бы сказала сексуально-привлекательно, – она расставила ножки и наклонилась, прогнув спину. – А сверху пиджак, чтобы, если надо принять деловой вид.

Когда она пришла в офис, она сняла сапоги и теплые колготки, надела туфли и осмотрела свои ножки. Чулки целые, ноги вчера побрила, все нормально. И она встала перед окном в ожидании Валерия Павловича лицом к окну... Когда он войдет, то увидит ее во весь рост...

Как ни странно, Валерий Павлович не замедлил появиться. Увидев ее, он спросил где Антон. Вероника ответила, что еще не приходил. Тогда пойдём скорее ко мне... Они ушли...

Там же Вероника сказала ему, что за его железным шкафом находится старая дверь, а за дверью склад ватмана и всяких старых канцелярских предметов. Он сказал, что подумает, как его отодвинуть. Только он не хочет это делать сейчас. Это уже когда он подготовит себе новый кабинет, тогда Вероника может двигать все что угодно и куда угодно. Вероника согласилась.

Когда пришел Антон она уже сидела за своим столом, как ни в чем не бывало, правда блузка ее была по-прежнему расстегнута, а пиджак висел на спинке стула.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.